

Двенадцать баллов на дне стакана

Аурел Виеру

- Я ей не нужен, - горестно сказал Аурел. С такой болью, словно с корнем вырывал из десны без наркоза как минимум зуб мудрости. А может, заодно и ещё парочку не вовремя зацепившихся боками и подвернувшихся под горячую руку зубов.

Зачем их с Арно дружно понесло к Арлетте - вопрос был, конечно же, дурацкий и никому нафиг не сдавшийся. Естественно - чтобы было. У Арно, как понял Аурел, это и вовсе что-то вроде навязчивой привычки и ежедневного ритуала. А румын, как и все предыдущие разы - напомнить о себе. О том, что он есть. И всегда готов быть по первому же слову наставницы.

С чего юношу вдруг прорвало делиться своими делами и горестями с едва знакомым ему товарищем - вопрос, оставшийся без ответа. Возможно, ответа как такового и вовсе не было. Просто, выйдя из дома Арлетты бок о бок с Арно, румын вдруг безвольно расселся на крыльце и, не озаботившись даже проверить, слышит ли его наставница или нет, выплюнул Ту Самую Фразу. С которой, пожалуй, предстояло закрутиться большому сопливому разговору.

Отступать от своей любви Аурел не собирался, да и не мог - для него это было не тем чувством, от которого можно позволить себе отступить лишь потому, что разок-другой получил отказ (порой, увы, больше смахивающий на удар коленом в пах). Но когда эти отказы накапливались, срастаясь в оглушительный снежный ком, способный нанести тяжёлый и болезненный удар... этот удар просто надо пережить. Перетерпеть. Аурел обыкновенно терпеть не мог превращать своих собеседников в диктофон психиатра, куда сливается все наболевшее - но конкретно сегодня прорвалось. И румын атаковал ничего не подозревающего Арно Той Самой Фразой. "Я ей не нужен."

Что называется - накипело. Наболело. Называйте как хотите... сейчас дело было в другом. Этот болезненный нарыв срочно требовалось вскрыть, пока он, как чума, новые территории захватывать не бросился. А Арно... ну что - Арно? Просто неудачно, или наоборот, удачно под руку подвернулся...

Арно Сэ

У Арно нет привычки слушать, как другой человек плачется ему в жилетку и рыдает у него на плече, нет от слова совсем. В первую очередь - потому что обычно никому не приходит в голову этого делать. Все видят перед собой низкорослого, кажущегося обманчиво щуплым, остроносого паренька с женственными чертами лица - такой куда скорее сам первый должен рыдать на чужом плече. "Мама, мама, меня опять дергают за косички!..."

А в действительности - вот, ни с того ни с сего получается совсем наоборот.

Оленёнок заскакивает к Арлетте - попытаться выпросить разрешение если не прибить рыжую Маргариту, когда та снова в приступе чего-нибудь там начнёт набрасываться с кулаками, то хотя бы слегка придушить для остротки. Чтобы не делала из плюшевого Сэ подушку для битья при каждом удобном случае. Разрешения Олененку, естественно, никто не даёт - зато француза знакомят с новым членом их одержимой компании.

Арно находит, что у Аурела тоже черты лица не сурово тесанные из гранита молотом каменщика - эдаким конкретным квадратным муШиной-шкафом новый ученик

Арлетты отнюдь не выглядел. Рядом с ним можно не долбить свою самооценку, низводя её до уровня плинтуса. Напротив - как кажется Арно, они с Аурелом, конечно, не из одной корзины фрукты, но уж точно из соседних.

И вот - этот соседний фрукт вдруг, едва на пару шагов отойдя от двери, за которой скрылась наставница, падает на крыльцо и начинает усиленно себя жалеть. Что в такой ситуации делать прикажете?

- Неправда, - пытаюсь оправдать свою кличку и проявить истинную чуткость нежного олененка, Арно присаживается рядом на ту же самую ступеньку. И пытается корявенько объяснить, как умеет: - Ты ей нужен. Просто не совсем в том качестве, в каком бы ты хотел, понимаешь?...

Арлетта Давенпорт

Арлетта всячески демонстрируемую ей горячую любовь Аурела искренне полагала обыкновенной мальчишеской влюбленностью. Которая сначала горит так, что небу жарко, а в какой-то момент только хоп - и уже один серый пепел и остался. Не то что не горит - ни капли не греет, весь уже остыл. Это, в общем-то, нормально. И винить за это молодого парня глупо.

Ну, сами посудите - не может же он всерьёз полюбить взбалмошную дамочку с тремя детьми и на пять лет его старше? Да ну, не смейтесь. Это в дамских романах героини сплошь и рядом обретают молодых, прекрасных и бесконечно им преданных любовников. В реальности обыкновенно все куда прозаичнее, поэтому рассчитывать на это и ждать своего юного красавца не стоит.

Поэтому на влюблённые взгляды пришедшего к ней в этот день Аурела, усиленно выяснявшего, не требуется ли наставнице какая-нибудь его посильная помощь, Арлетта отвечала мягкими шутками, приравнивая все это к незатейливому и бесхитростному обожанию Олененка. Который, к слову, тоже сегодня заглянул, и ровно в то же самое время. Но этот - с непривычно кровожадными планами. На которые Арлетта самым решительным образом наложила вето. Вот ещё - душить он там кого-то собрался...

Проводив учеников до самого порога, Давенпорт закрыла за ними дверь и с чистой совестью собралась было возвращаться к домашним делам - как вдруг услышала за дверью голос Аурела, прозвучавший горько и неожиданно, непривычно надтреснуто. Тут же принялся что-то звонко отвечать Оленёнок, о чём-то рассказывая новому знакомому - и Арлетта, подчиняясь непонятному седьмому чувству, припала ухом к щелке между дверью и косяком, одновременно пытаюсь убедить саму себя, что подслушивать чужие разговоры всегда неприлично, а уж когда дело касается, собственных учеников, так и вовсе отвратительно...

Аурел Виеру

"Нужен, но не в том качестве" - это... признать, великолепная формулировка. По-своему оригинальная, а главное - куда более щадящая, чем та, которую избрал сам Аурел.

Вот только щадить самого себя у Аурела сейчас не было никакого настроения - напротив, голову кружило жгучее желание разбомбить стелсами свой же Багдад, сровняв его с землёй.

- Это и значит "не нужен" - когда тебя готовы видеть только кем-то другим. "Не в том качестве", - качнул головой Аурел, упорно отказываясь хвататься за брошенный ему Олененком по доброте душевной спасательный круг. Оно ведь делает больно, это ваше "качество". Вырезает свои чертовы пометки прямо по живому и - эй, мрак вас

забери, оно же ещё бьётся! - ставит клеймо на сердце, как на бракованном подношении.

Чтоб оно провалилось до самой магмы, такое " качество".

- Знаешь... я не думаю, что Арлетта хочет вечно, до скончания Вселенной быть здесь мастером и возиться с вновь прибывающей, совсем ещё в магическом плане зелёной молодежью, - поделился Аурел своими подозрениями и страхами с Арно. - Однажды ей это надоест. Сейчас мы милый элемент её обязанностей - а потом эти обязанности себя изживут, и мы станем чужими друг другу, - возможно, румын драматизировал, но вот таким депрессивно-упадническим мнением он обладал. Когда ученики наконец обрастают перьями и разлетаются на все четыре стороны, пробовать свои новые силы - связь с мастером неизбежно становится тоньше.

А где тонко - как бы избито ни звучало, но именно там и рвётся.

- Я боюсь, что когда я стану ей совсем не нужен, ни в каком качестве... наверное, это меня убьет, - шепотом признался Аурел. Даже не попытавшись представить себе, какова может быть цена такой откровенности - а судя по некоторым пока скрытым от румына обстоятельствам, цена могла оказаться не такой уж и невзрачно малой...

Арно Сэ

Арно только недоуменно и жалобно моргает в ответ на трогательный рассказ Аурела - совсем-совсем не зная, что отвечать. И как никогда жалеет о том, что в человеческом облике у него нет нежных, забавно оттопыренных ушей его внутреннего Олененка. Ими же великолепно можно хлопать и подрагивать, изображая крайнюю степень своей озадаченности. Редкая мимика бывает столь же оглушительно эффективна... может, стоит спросить у сифу Давенпорт? Может, как-нибудь можно сделать, чтобы после обратного превращения тонкие, нежно розовеющие ушки не исчезали?...

Ерунда какая-то в голову лезет, право слово.

- Ты слишком... суров, - мотает головой Оленёнок. Хотя слово, конечно же, выбрано не то. Не отсюда оно. Никак не подходит. - По отношению ко всем сразу. Мастер Давенпорт очень хорошо к нам относится. К тебе, ко мне, к Маргарите, к другим ученикам. Она нас вон не погонит, никогда. Ну... давай в это верить? Лично я верю, - светло и бесхитростно улыбается Арно, пытаясь заразить Аурела этой лёгкой, светлой верой. В то, что их наставница самая лучшая. Что на неё можно рассчитывать и в неё нужно верить. Всегда, везде и неизменно.

Хотя, умирать из-за неё - это подход... смертника, по-другому и не скажешь. Арно ошеломленно хватая ртом воздух и наконец кое-как говорит: - Ты только... не перегибай, а? Зачем сразу так? Не надо умирать, никому не надо!...

И ведь не объяснить же толком почему это очень и очень плохая идея - умирать от отсутствия чьего-либо внимания. Просто - на взгляд Арно, такой подход нехороший. Слишком печальный. Слишком депрессивный. В нем вообще чересчур много всяких "слишком" и прочих крайностей, чтобы он право на реальную жизнь мог иметь. Такое обычно только в дешёвых драмах лицезреть можно, а тут нате вам - наяву приключается...

Арлетта Давенпорт

Наличие острого кошачьего слуха - это всегда недюжинный бонус к способности шпионить за другими людьми и их разговорами. Рассевшись на полу у двери, Арлетта припнула щекой и ухом к прохладному дереву, старательно разбирая произносимые юношами слова.

И от некоторых слов американку, признаться, бросало в нервную дрожь. И хотелось, следом за милым Олененком, как можно убедительнее кричать: "Не надо умирать, никому не надо!..."

Это девушке впервые пришло в голову, что ситуация, в которую она невольно вовлекла Аурела и в которой оказалась сама, куда серьезнее, чем кажется на первый, поверхностный взгляд. Нет, юноши, конечно, обещают умереть, разлучившись с предметом своего страстного увлечения, и наверняка имеют под подушкой такой специальный самоучитель, рассказывающий, как правильно страдать в разлуке... но у Аурела это все звучало как-то по-другому. Оказывалось неожиданно грустным вместо того, чтобы казаться забавным и несерьезным.

Арлетта продолжила прислушиваться к трагическому диалогу за дверью - вариантов у американки других сейчас просто не было. Очень жаль, что нельзя полюбить хорошего человека по щелчку пальцев, потому только, что он такой хороший. Давенпорт была на данный момент способна юношу только пожалеть. Но вот не казалось ей, что лезть к ученику со своей жалостью сейчас будет уместным. Напротив - не испортить бы вообще все на свете.

Пока американка ограничилась тем, что твёрдо пообещала самой себе - даже если такое и случится, что ей вдруг надоест быть младшим мастером и служить проводником и примером для начинающих юных магов, то она постарается не допустить такого, чтобы уже ставшие её учениками юноши и девушки вдруг оказались ей не нужны. Тем более - такой очаровательно безоглядно влюбленный парень.

Аурел Виеру

При всем уважении к мнению окружающих - согласиться с этим звонким "никому не надо" Аурел просто не мог. Иногда это совершенно необходимо. Не обязательно в самом прямом и твердолобом смысле, предполагающем захлестнувшую горло петлю или ещё что-нибудь в том же адухе... просто порой, когда ты одним своим присутствием начинаешь невыразимо надоедать обожаемому тобой человеку, становится едва ли не жизненно необходимым исчезнуть. Так, словно ты и в самом деле - умер. Словно и не жил никогда.

- Я люблю её, - с болью в голосе сказал Аурел. Так, как будто вот эти три коротеньких слова должны были с лихвой объяснить Арно все мотивы, причины и следствия разом. По мнению румына, они и правда объясняли - влюбленные следом за сердцем всегда теряют голову, и пытаются требовать от них логики и здравого взгляда на жизнь - затея изначально обреченная на провал.

Во всяком случае, уж сам Аурел думал явно не головой. Спинным мозгом, и то, если повезёт - мозг всё-таки, какой-никакой, а мозг. Только и этот, похоже, работает не всегда, при виде Арлетты частенько начинает температурить, лихорадить и уходить в отказ.

То, что такие задушевные, почти плачущие разговоры лучше вести не под дверью у любимой наставницы, а то это может быть расценено как чёрт знает что - и как дешёвое позерство, и как бездарная попытка набить себе цену, и как ещё что похуже - до Аурела дошло только сейчас, накипевшие эмоции в очередной раз очень конкретно заблокировали мыслительную деятельность. Запоздало спохватившись, юноша вскочил, перестав оккупировать чужое крыльцо, и виновато улыбнулся: - Прости. Грузу тут тебя своими проблемами ни с того ни с сего, да и проблемы, признаться, такие себе... Извини. Забудь, ладно? - румын неловко пожал плечами и решительно сменил тему разговора, словно проводя черту под

предыдущим сентиментальным трепом и окончательно его сворачивая: - Не знаешь, тут в ближайшее время никаких групповых занятий не предвидится? Я бы заглянул на такое...
